

И. О. Кудряков

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРАЦИЯ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ (XVII — НАЧАЛО XX В.)

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

В статье выполнен социологический анализ процесса структуризации Донского казачества в исторической ретроспективе (до 1917 г.). С использованием методического аппарата теории структуризации Э. Гидденса рассмотрена социальная динамика Донского казачества и его функционирование как социальной системы. Проведен сравнительный анализ социальной динамики Донского казачества и казаков-некрасовцев. Особое внимание уделено двум взаимосвязанным процессам: системной интеграции казачества и государства, а также трансляции наиболее ценной системообразующей социальной практики казачества — военного ремесла. Библиогр. 23 назв.

Ключевые слова: теория структуризации, динамика социальной структуры, системная интеграция, система социальных практик, Донское казачество, социальная структура казачества.

SOCIAL STRUCTURATION OF THE DON COSSACKS IN HISTORICAL RETROSPECTIVE (XVII — BEGINNING OF XX CENTURIES)

I.#O.#Kudryakov

In the article a sociological analysis of structuration of the Don Cossacks in a historical retrospective is made (up to 1917). With use of the methodical device of Giddens's theory of structuration the social dynamics of the Don Cossacks and its functioning as social system is considered. The comparative analysis of social dynamics of the Don Cossacks and Nekrasov Cossacks is carried out. Special attention is paid to two interconnected processes: to the systemic integration of the Cossacks and the state, and also to historical transfer of the most valuable backbone of social practice of the Cossacks — military craft. Refs 23.

Keywords: Structuration theory, the dynamics of the social structure, system integration, system of social practices, Don Cossacks, the social structure of the Cossacks.

В современной научной литературе статус казачества выглядит крайне неопределённо. Казачество квалифицируется как этнос, субэтнос, этнографическую группу, этносоциальную общность, метаэтническую общность, этносословие, сословие, квазисословие, социоры и даже как своего рода религиозное братство [1]. Промежуточные и смешанные варианты запутывают ситуацию ещё больше.

Существующее многообразие, на наш взгляд, вызвано, прежде всего, попытками рассматривать казачество России как однородную общность, независимо от территориальной (войсковой) принадлежности. Такой метод рассмотрения должен сразу исключать любые этнические составляющие казачества, поскольку практически у каждого казачьего войска они свои собственные. Для примера: только донское, запорожское, волжское, яицкое и гребенское казачества могут в какой-то степени претендовать на статус автохтонного населения, так как эти казацьи войска формировались «естественно-историческим путем в геополитически активных зонах». Другие казацьи войска (Забайкальское, Астраханское, Черноморское и т. д.) были созданы уже на определенной стадии развития Российского государства с привлечением казаков других регионов.

Даже при рассмотрении этнической составляющей автохтонных казаков возникают сложности, связанные с политическими коллизиями, государственным землеустройством, миграционными потоками. Так, например, после разгрома Запорожской Сечи большая часть запорожских казаков составила основу волонтерских команд, из которых Г. А. Потемкин формировал Черноморское казачество на юге России. Черноморское казачество, в свою очередь, не дожив до XX в., было разделено на Кубанское и Терское, в последнее влились гребенские, волжские и донские казаки, а также горские народности. Кубанское войско также было многонациональным, объединяло помимо запорожцев (которые, кстати сказать, не идентифицировали себя как часть украинского этноса) кавказских линейных казаков (преимущественно великороссов) и более поздних переселенцев из Малороссии. Даже в наиболее «этнически стабильное» Донское казачье войско, которое на ранних стадиях своего существования могло позволить себе независимую политику отношений с Московским государством (вплоть до середины XVII в.), а в последствии питало многие вновь создающиеся казачьи войска, в разное время вливались ногайцы, татары, турки, калмыки [2, 3]. По официальному договору 1642 г. часть калмыцкого народа была включена в состав Донского казачества. Калмыки и поныне входят в состав возрожденного реестрового Всевеликого войска Донского, однако на вопрос об этнической принадлежности все они отвечают совершенно однозначно, и не в пользу казачества.

Терминологическое многообразие и научные споры вокруг статуса казачества локализованы, как показано выше, главным образом, в сфере этнографии, и вопрос «Сумеет ли этнология распутать этот казачий клубок?», по-видимому, ещё долго будет оставаться актуальным.

Социологическое рассмотрение статуса казачества гораздо более определенное. Основной задачей настоящей работы является социологический анализ процесса структуризации Донского казачества в исторической ретроспективе (до 1917 г.) на основе положений теории структуризации Э. Гидденса.

В российской социологии теория структуризации Э. Гидденса фигурирует, главным образом, в обзорных, теоретических, сравнительных критических работах или в учебных изданиях [4–8]. Практически нет статей прикладной направленности, использующих теоретический и методический аппарат этой теории.

Теория структуризации — одна из немногих социологических теорий, которая предлагает подходы для изучения и анализа исследуемого социального объекта в развитии, в динамике. Достоинство теории и заслуга Гидденса перед мировой социологией состоит в том, что эти подходы сугубо социологические и не заимствованы у естественных наук, как, например, это было у П. Сорокина с понятием «стратификация», взятом им из геологии (в то время, в 1920-е годы оно уже использовалось и в археологии), или с книгой «Система социологии», где он проводил прямые параллели с физико-химическими системами, называя социологию «социальной химией» [9]. Так происходит в настоящее время с частыми попытками применения в социологии положений теории самоорганизации и синергетики [10, 11].

Гидденс помещает в центр своей теории развитие социальных практик, строя на этом фундаментальные понятия социальной системы и социальной структуры. Система определяется Гидденсом как «выстраивание по определенному образцу через пространство и время социальных отношений, понимаемых как воспроиз-

водимые практики» [12]. Структура в понимании Гидденса — не состояние и не характеристика системы, а процесс: «Изучать структурирование социальной системы означает изучать те пути, которыми эта система — в рамках применения общих правил и ресурсов и в контексте непреднамеренности результатов — производится и воспроизводится во взаимодействии» [13]. Другим ключевым моментом теории структуриации выступает диалектическое взаимодействие деятельности и структуры — знаменитое гидденсовское представление о дуальности социальной структуры, когда структура одновременно является и результатом, и инструментом процесса изменения социальной системы.

Согласно Гидденсу, социальное действие и социальная структура не могут пониматься в разрыве друг от друга. Они соотносятся как две стороны одной медали, поскольку социальные структуры создаются и могут существовать более или менее продолжительное время только благодаря социальным действиям. Новизна подхода Гидденса заключается в том, что, исходя из единства структуры и действий, он предлагает рассматривать социальную реальность на основе изучения конкретных *социальных практик*. Принципиально важным Гидденс считает то, что социальная практика «не создается социальными акторами, а лишь постоянно воспроизводится» благодаря активному характеру их действий, то есть она имеет характер *преemptивности, упорядоченности*.

Положение теории структуриации о диалектическом единстве социальной структуры и социальных действий подводит к логическому выводу о *закономерности* структуры, отражающей оптимальный или наиболее вероятный промежуточный результат общего вектора действий социальных акторов, достигнутый к определенному временному рубежу в рамках социальной системы.

Понятийный аппарат теории структуриации Э. Гидденса позволяет в центре социологического анализа поместить социальные практики казачества. В частности, наиболее специфичной системообразующей социальной практикой Донского казачества является военная специализация, на основе которой формируется история казачества в XVI–XX вв. На её основе также выстраивается динамика казачества как социальной системы и разворачивается системная интеграция казачества и Российского государства.

Среди других устойчивых институционализированных социальных практик казачества можно выделить православие (функционирующее в среде казачества как доминирующая конфессия и объединяющая идея), традиционное право, институт семьи. Но, в сравнении с воинским ремеслом казаков и его историческим и социальным значением для казачества, все они довольно статичны. В течение рассматриваемого периода (до 1917 г.) они сохраняли в казачьей среде практически в неизменном виде те правила, ритуалы и атрибуцию, которые сложились ещё в общинную эпоху, когда Донское казачество представляло собой относительно однородную социальную общность (XVI–XVII вв.), организованную в виде «военно-промысловых артелей» [14, с. 104].

Вольное Донское казачество вплоть до конца XVII в. принято характеризовать как организацию общинного типа со стихийной демократией. То была эпоха «вольных братств», то есть мужских военизированных сообществ с главной задачей выживания в экстремальных условиях Дикого Поля и постоянной необходимостью ведения военных действий оборонительного или грабительского характера [15].

Исследователи отмечают низкую степень социальной дифференциации в ранних казачьих сообществах, что подразумевает отсутствие законодательно закрепленной социальной стратификации, основанной на эксплуатации и сословном подчинении (как в более позднем российском обществе с развитой и структурно оформленной системой социального неравенства). Отношения внутри казачьей общины строились исходя из возраста, профессиональных навыков, личного авторитета, например, на Большом Круге атамана могли избрать только из числа «стариков» — наиболее уважаемой части казачества, а их антиподом являлось «голутвенное казачество» (голытьба) [16].

Развитие военной специализации в рамках системной интеграции с государством к началу XX в. дало казачеству статус неподатного сословия Российской империи. Государство, как известно, решало таким образом свои задачи: укрепление рубежей страны за счет создания буферных приграничных казачьих регионов, расширение границ империи, снижение уровня напряжения в местах локализации покорённых малых народов и т. д. Опорой государству стало казачество, которое на этом фоне совершило резкий подъем в российской социальной иерархии. Рассмотрим один из ключевых вопросов интеграционного процесса, касающийся социальной динамики Донского казачества: «Что удерживало казаков в колее системной интеграции с государством вплоть до революционных событий 1917 г.?»

Начало процесса социализации Донского казачества в рамках Российского государства, когда социальная динамика казачества стала развиваться под влиянием общероссийских социальных процессов, следует отнести ко времени после героического «Азовского сидения» в 1641 г. и последующий разрушительный поход турок по Дону значительно подорвали численность и жизненные устои казаков, которые в 1643 г. доносили в Москву, что не в состоянии «противиться совокупной силе турецкой и татарской¹», и просили о помощи. Царь и Боярская Дума, опираясь на решения Земского Собора 1642 г., постановили оказать покровительство казакам. В 1644 г. на Дону на острове Черкасском (где ныне находится Старочеркасск) была выстроена крепость, в которой расположилась столица Донского войска и *разместился гарнизон царских войск*. Платой за помощь Московского государства стало подчиненное положение казаков.

В дальнейшем не раз случались рецидивы былой вольности, но тенденция уже была необратимой. Набирающая силу империя жестко поступала как с внешними, так и с внутренними врагами. Правило «с Дону выдачи нет!» в рамках единства российского социального пространства не соответствовало установке о лояльности казачества, поскольку казачий Дон становился местом скопления недовольных — внутренних врагов империи. Восстания донских казаков С. Т. Разина (1667–1671 гг.) и К. А. Булавина (1707–1708 гг.) были сурово подавлены. Но обращает на себя внимание тот факт, что в обоих случаях мятежные атаманы были «обезврежены» на Дону своими же казаками², лояльными государству, из опасений, что деятельность мятежников навлечет царский гнев на всё казачество [17, 18]. Следо-

¹ В карательной экспедиции по Дону большую часть турецкого войска составляли их союзники — крымские татары.

² С. Разин был захвачен 14 апреля 1671 г. в Кагальницком городке и в конце апреля сдан царским властям, а К. Булавин был убит 7 июля 1708 г. в Черкасске.

вательно, большая часть Донского казачества принимала установку на жизнь по общероссийским законам.

Для нашего исследования интересен определенный эпизод Булавинского восстания. Один из соратников К. Булавина, атаман донской Есауловской станицы Игнат Некрасов, спасаясь от царского преследования после разгрома восстания, увел с Дона на Кубань от 2 до 8 тыс. человек (по разным источникам) и в период с 1708 по 1737 г. создал там под знаменем казачьей вольности устойчивую демократическую общину, которая с закрепившимся самоназванием «казаки-некрасовцы» функционировала на основе всего 13 заветов, составленных самим Игнатом и воплощавших демократическую сущность вольного нестратифицированного этнического сообщества. Заложенные в заветах социальные принципы, которые знал наизусть и передавал детям каждый член общины, сделали некрасовцев политическими противниками крепостничества и русского самодержавия. Поэтому некрасовцы подвергались гонениям со стороны государства и мигрировали сначала в устье Дуная (Подунавье — нынешняя территория Румынии), затем в Турцию (оз. Майнос, остров Маду), возвратившись в Советскую Россию в 1921–1925 гг. [19]. За более чем 200-летнюю историю своего существования община полностью сохранила свою культурную самобытность, не подверглась социальному расслоению, почти утратила боевые навыки, занимаясь в основном рыболовством, обработкой земли и небольшими кустарными ремесленными промыслами. Проведя всё это время в инокультурной среде, некрасовцы сумели избежать добровольной или насильственной социализации и культурной ассимиляции, выбрав путь изолированной территориальной адаптации.

Таким образом, к рубежу конца XIX — начала XX в. некрасовская община может служить эталоном для сравнения ее с Донским казачеством, прошедшим за те же 200 лет путь социализации в рамках российского общества. Предложенное Ю. В. Бромлеем понимание этничности, фиксирующее ту степень «культурного единства данного социума, которая не зависит от характера социальной стратификации» [20, с. 68], позволяет определить казаков-некрасовцев как пример чисто этнического сообщества. Донское же казачество, заняв к началу XX в. свою нишу в социальной иерархии Российской империи в виде неподатного казачьего сословия, само испытало глубокую внутреннюю дифференциацию. Она была подготовлена царскими указами (1775 г.) и положениями правительства (1835 и 1848 гг.), направленными на «инкорпорирование донской старшины в российское дворянство», активно происходившее в период 1775–1860 гг. Этот процесс превращал новое казачье дворянство в крупных землевладельцев путем легитимного захвата войсковых земель. Обработка земли требовала привлечения на территорию Войска Донского пришлых крестьян, поэтому особенно резкое ускорение переселенческих процессов происходит после принятия Положения 1835 г. Начинается широкомасштабная крестьянская миграция в пределах владений Войска, получившая название «внутренней колонизации» [21]. Она способствовала дальнейшему развитию социальной неоднородности казачества, провоцировала столкновение интересов Российского государства, вольного Донского казачества, малороссийского крестьянства и помещиков-землевладельцев, среди которых была немалая часть зажиточного казачества.

На протяжении всего сравнительного периода (от Булавинского восстания до 1917 г.) по мере возрастания степени подчиненности казаков государству усиливалось социальное и культурное расслоение донского казачьего сообщества. Это самым радикальным образом подтвердилось в период Гражданской войны 1918–1920 гг., когда донские казаки воевали по обе стороны баррикад [22]. В составе Красной Армии, например, воевало не менее 20% боеспособного Донского казачества [23]. Снова обращаясь к критерию Ю. В. Бромлея, можем сказать, что, в отличие от некрасовцев, в среде Донского казачества начала XX в. этничность, если и ощущалась, то была в глубоко подчиненном состоянии, под прессом социально-политических противоречий, вызванных социальной неоднородностью казачества. Причем хотелось бы ещё раз акцентировать внимание на том, что казаки Дона *сами* выбрали путь социализации в рамках российской государственности: сначала в 1643 г., запросив помощи у Москвы после «Азовского сидения»; затем сдав Московским властям своих свободолюбивых атаманов С. Т. Разина (в 1671 г.) и К. А. Булавина (в 1708 г.). Ведь история показала, что у них был альтернативный путь, выбранный в 1708 г. казаками-некрасовцами, — дистанцирование от государства с сохранением приоритета своей этнической самобытности.

Таким образом, вектор социальной динамики Донского казачества формируется активным большинством всей социальной общности. В решающие моменты истории Донское казачество всегда двигалось в сторону интеграции с Российским государством. Этот процесс всегда строился обоими участниками процесса на основе повышения эффективности военного ремесла казаков, наиболее устойчиво транслируемой на протяжении всего рассматриваемого периода (XVII — начало XX в.) социальной практики казачества.

Сравнительный анализ социальной динамики Донского казачества и казачков-некрасовцев показывает, что при одинаковых стартовых условиях (1708 г.) в течение рассматриваемого периода (до начала XX в.) они представляли собой две различные социальные системы. Некрасовцы — относительно закрытая, социально изолированная система, практически не вступавшая ни в какие интеграционные процессы. Внутри системы в рассматриваемый период поддерживались только каналы трансляции культурных практик, благодаря чему некрасовцы к моменту возвращения на родину (1921–1925 гг.) представляли собой чисто этническую социально однородную общину с демократическим (казачьим) типом управления.

Социальная динамика Донского казачества в этот же период развивалась по законам теории структуризации. Функционирование казачества как социальной системы выстраивалось вокруг процесса трансляции наиболее ценной системообразующей социальной практики — военного ремесла казаков. Она стала основой процесса системной интеграции Донского казачества и Российского государства. В результате (к концу XIX в.) казачество в целом завоевало престижное положение в социальной иерархии российского общества, выделившись в сословие высокого ранга (став наряду с дворянством неподатным сословием). Обратной стороной этого процесса стала внутренняя социальная дифференциация казачества, отразившая общероссийскую социально-политическую картину. Особенность казачества заключалась в том, что социальное неравенство сформировалось внутри отдельного социального сословия, тогда как в целом в России оно было характерно для всей сословной системы. Собственно государственная сословная си-

стема представляла собой сознательно стратифицированную социальную систему с законодательной регламентацией жизни каждого сословия. В казачестве же эта стратификация была неявной и камуфлировалась этнокультурными отношениями под лозунгом единства («Слава Богу, мы — казаки!»). Эта ситуация провоцировала социальную напряженность внутри казачества, что ярко проявилось в ходе Гражданской войны.

Безусловно, у Донского казачества начала XX в. сохранилась этническая составляющая. Об этом свидетельствует устойчивость, транслируемый характер и самобытность культурных практик казачества (обрядность, фольклор, прикладное искусство). Однако в течение анализируемого периода она оказалась в подчиненном положении по отношению к рассмотренным социальным процессам. Развитие по пути «социального лифта» с подчинением ему своей этничности было *закономерным* выбором казачества.

В дальнейшем, в советский период, процесс структуризации казачества также строился вокруг её главной социальной практики — военной специализации. Однако со временем, по мере модернизации и моторизации регулярной армии, её актуальность падала, а как земледельцы казаки мало отличались от крестьян, что и обусловило ассимиляцию казачества в массе советского народа.

Литература

1. Голованова С. А. Этнические и сословные характеристики южнороссийского казачества // Фольклор казачества — как неотъемлемая часть северо-кавказского этнокультурного пространства: материалы всероссийской научно-практической конф., посвященной 275-летию города Кизляра. Махачкала: Издательство «Радуга», 2010. С. 74–82.
2. Черницын С. В. Некоторые аспекты этнических процессов в Войске Донском XVII в. (на примере тюркоязычных переселенцев) // Дон и Северный Кавказ в древности и Средние века. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1990. С. 72–82.
3. Омакаева Э. У. Калмыцкое казачество как культурно-исторический феномен // Казачество в социокультурном пространстве России: исторический опыт и перспективы развития: тез. всеросс. науч. конф., 28–29 сент. 2010 г. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. С. 286–290.
4. Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России. 2-е изд., перераб. и доп. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2001. 307 с.
5. Кравченко С. А. Социология: парадигмы через призму социологического воображения. М.: «Экзамен», 2002. 512 с.
6. Токарев В. В., Дулина Н. В. Общая теория систем и ее отношение к социологии // Известия Волгоградского государственного технического университета: межвуз. сб. науч. ст., № 6 (21). Волгоград: Издательство ВолГТУ, 2006. С. 32–37.
7. Мушич-Громыко А. В. Теория структуризации Э. Гидденса: к постановке вопроса о позиционировании социального // Материалы II международной научно-практической конференции «Новейшие научные исследования». Новосибирск: Изд-во НГУЭиУ, 2009. URL: http://www.rusnauka.com/2_kand_2009/economics/39625.doc.htm (дата обращения: 17.10.2014).
8. Кравченко С. А. Социология: в 2 т. Т. 2. Новые и новейшие социологические теории через призму социологического воображения: учебник для академического бакалавриата. 2-е изд. М.: Юрайт, 2014. 636 с.
9. Сорокин П. А. Система социологии: в 2 т. М.: Наука, 1993. Т. 1. Социальная аналитика: учение о строении простейшего (родового) социального явления, 447 с.; Т. 2. Социальная аналитика: учение о строении сложных социальных агрегатов, 688 с.
10. Кравченко С. А. Нелинейная динамика: парадоксальные разрывы и синтезы социума // Вестник МГИМО—Университет. 2008. № 2. С. 66–76.
11. Шкаратан О. И. Социология неравенства. Теория и реальность. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 526 с.

12. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуриации. М.: Академический проспект, 2005. 528 с.
13. Гидденс Э. Г. Элементы теории структуриации // Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1995. С. 40–73.
14. Ключевский В. О. Сочинения: в 8 т. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 3. Курс русской истории. Ч. 3. 424 с.
15. Рыблова М. А. Проблема сохранения и воспроизводства культурного наследия российского казачества // Казачество в социокультурном пространстве России: исторический опыт и перспективы развития: Тез. Всеросс. науч. конф., 28–29 сент. 2010 г. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. С. 185–188.
16. Никитин Н. И. О формационной природе ранних казачьих обществ (К постановке проблемы) // Феодализм в России. М.: Наука, 1987. С. 236–245.
17. Чистякова Е. В., Соловьёв В. М. Степан Разин и его соратники. М.: Мысль, 1988. 224 с.
18. Булавинское восстание 1707–1708 гг. Сб. документов. М.: Издательство политкаторжан, 1935. № 132–140. С. 320–330.
19. Казаки-некрасовцы: язык, история, культура: сборник научных статей. Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. 456 с.
20. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. 412 с.
21. Ревин И. А., Скорик А. П. Фронт и переселение на Дону: исторический опыт осуществления государственной политики // Казачество в социокультурном пространстве России: исторический опыт и перспективы развития: Тез. Всеросс. науч. конф., 28–29 сент. 2010 г. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. С. 125–128.
22. Ратушняк О. В. Донское и Кубанское казачество в Гражданской войне: политические искания и взаимоотношения с другими участниками антибольшевистского движения // Казачество в социокультурном пространстве России: исторический опыт и перспективы развития: Тез. Всеросс. науч. конф., 28–29 сент. 2010 г. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. С. 87–89.
23. Кислицын С. А. О мифе «геноцида казачества» в историографии Донского казачества // Казачество в социокультурном пространстве России: исторический опыт и перспективы развития: Тез. Всеросс. науч. конф., 28–29 сент. 2010 г. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. С. 93–96.

References

1. Golovanov S. A. [Ethnic and class characteristics of the South Russian Cossacks]. *Fol'klor kazachestva — kak neot'emlemaia chast' severo-kavkazskogo etnokul'turnogo prostranstva: mat-ly vs Rossiiskoi nauchno-prakticheskoi konf-tsii, posviashchennoi 275-letiiu goroda Kizliara* [Folklore — as an integral part of the North Caucasus ethno-cultural space: Proceedings of the All-Russian scientific-practical conference dedicated to 275th anniversary of the city of Kizlyar]. Makhachkala, Raduga Publ., 2010, pp. 74–82. (In Russian)
2. Chernitsyn S. V. [Some aspects of the ethnic processes in the Don Cossacks XVII. (for example, the Turkic-speaking immigrants)]. *Don i Severnyi Kavkaz v drevnosti i srednie veka* [Don and the North Caucasus in ancient times and the Middle Ages]. Rostov-on-Don, Rostovskii universitet Publ., 1990, pp. 72–82. (In Russian)
3. Omakaeva E. U. [Kalmyk Cossacks as a cultural and historical phenomenon]. *Kazachestvo v sotsiokul'turnom prostranstve Rossii: istoricheskii opyt i perspektivy razvitiia: tez. vsross. nauch. konf., 28–29 sent. 2010 g.* [Cossacks in the Russian socio-cultural space: historical experience and perspective of development: Abstracts. All-Russ. scientific. Conf., Sept. 28–29. 2010]. Rostov-on-Don: Publishing House of the SSC RAS, 2010, pp. 286–290. (In Russian)
4. Kirdina S. G. *Institutsional'nye matritsy i razvitie Rossii* [The institutional matrix and the development of Russia]. 2nd edition, revised and enlarged. Novosibirsk, IEiOPP SB RAS, 2001. 307 p. (In Russian)
5. Kravchenko S. A. *Sotsiologiya: paradigmy cherez prizmu sotsiologicheskogo voobrazheniia* [Sociology: the paradigm through the prism of sociological imagination]. Moscow, Exam Publ., 2002. 512 p. (In Russian)
6. Tokarev V. V., Doolin N. V. [General systems theory and its relation to sociology]. *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta: mezhvuz. sb. nauch. st., no. 6 (21)* [Proceedings of Volgograd State Technical University: Interuniversity collection of scientific articles, no. 6 (21)]. Volgograd, VolSTU Publ., 2006, pp. 32–37. (In Russian)
7. Mushich-Gromyko A. V. [Giddens structuration theory: to raise the question about social positioning]. *Materialy II mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Noveishie nauchnye issledovaniia"* [Proceedings of the II International scientific and practical conference "The latest scientific

- research”]. Novosibirsk, Publ. NSUEM, 2009. Available at: http://www.rusnauka.com/2_kand_2009/economics/39625.doc.htm (accessed: 10.17.2014). (In Russian)
8. Kravchenko S. A. *Sotsiologiya: v 2 t. T. 2. Novye i noveishie sotsiologicheskie teorii cherez prizmu sotsiologicheskogo voobrazheniia: uchebnik dlia akademicheskogo bakalavriata [Sociology in 2 vols. Vol. 2. New and emerging sociological theories in the light of sociological imagination. The textbook for undergraduate academic]*. Ed. 2nd. Moscow, Urait Publ., 2014, pp. 194–216. (In Russian)
 9. Sorokin P. A. *Sistema sotsiologii: v 2 t. [System of Sociology in two volumes]*. Moscow, Nauka Publ., 1994. (In Russian)
 10. Kravchenko S. A. Nelineinaia dinamika: paradoksal'nye razryvy i sintezy sotsiuma [Nonlinear dynamics: the paradoxical synthesis and breaks society]. *Vestnik MGIMO-University*, 2008, no. 2, pp. 66–76. (In Russian)
 11. Shkaratan O. I. *Sotsiologiya neravenstva. Teoriia i real'nost' [Sociology inequality. Theory and reality]*. Moscow, Publ. Higher School of Economics, 2012. 526 p. (In Russian)
 12. Giddens A. *Ustroenie obshchestva: Ocherk teorii strukturatsii [Constitution of society: Outline of the Theory of Structuration]*. Moscow, Academic Prospect Publ., 2005. 528 p. (In Russian)
 13. Giddens A. [Elements of the theory of structuration]. *Sovremennaia sotsial'naia teoriia: Burde, Giddens, Habermas [Modern social theory: Bourdieu, Giddens, Habermas]*. Novosibirsk, Publ. Novosibirsk University, 1995, pp. 40–73. (In Russian)
 14. Klyuchevskii V. O. *Kurs russkoi istorii. Ch. 3 [The course of Russian history. Vol. 3]*. Moscow, Gospolitizdat, 1957, pp. 104. (In Russian)
 15. Ryblova M. A. [The problem of preservation and reproduction of the cultural heritage of the Russian Cossacks]. *Kazachestvo v sotsiokul'turnom prostranstve Rossii: istoricheskii opyt i perspektivy razvitiia: Tez. Vseross. nauch. konf., 28–29 sent. 2010 g. [In the socio-cultural space of Russia: historical experience and perspective of development: Abstracts. All-Russ. scientific. Conf., Sept. 28–29. 2010]*. Rostov-on-Don: Publ. SSC RAS, 2010, pp. 286–290. (In Russian)
 16. Nikitin N. I. [Mation about the nature of early Cossack societies (to the problem)]. *Feodalizm v Rossii [Feudalism in Russia]*. Moscow, Nauka Publ., 1987, pp. 236–245. (In Russian)
 17. Chistyakova E. V., Soloviev V. M. *Stepan Razin i ego soratniki [Stepan Razin and his associates]*. Moscow, Mysl' Publ., 1988. 224 p. (In Russian)
 18. *Bulavinskoe vosstanie 1707–1708 gg. Sb. dokumentov [Bulavin uprising of 1707–1708. Coll. documents]*. Moscow, 1935, no. 132–140, pp. 320–330. (In Russian)
 19. *Kazaki-nekrasovtsy: iazyk, istoriia, kul'tura: sbornik nauchnykh statei [Cossacks Nekrasovtsy: language, history, culture: a collection of scientific articles]*. Rostov-on-Don, Univ SSC RAS Publ., 2012. 456 p. (In Russian)
 20. Bromley Y. V. *Ocherki teorii etnosa [Essays on the theory of ethnos]*. Moscow, Nauka Publ., 1983, p. 68. (In Russian)
 21. Revin I. A., Skorik A. P. [Frontier and resettlement of the Don: the historical experience of the implementation of the state policy]. *Kazachestvo v sotsiokul'turnom prostranstve Rossii: istoricheskii opyt i perspektivy razvitiia: Tez. Vseross. nauch. konf., 28–29 sent. 2010 g. [Cossacks in the Russian socio-cultural space: historical experience and perspective of development: Abstracts. All-Russ. scientific. Conf., Sept. 28–29. 2010]*. Rostov-on-Don, Publ. SSC RAS, 2010, pp. 125–128. (In Russian)
 22. Ratushnyak O. V. [Don and Kuban Cossacks in the Civil War: political quests and relationships with other members of the anti-Bolshevik movement]. *Kazachestvo v sotsiokul'turnom prostranstve Rossii: istoricheskii opyt i perspektivy razvitiia: Tez. Vseross. nauch. konf., 28–29 sent. 2010 g. [Cossacks in the Russian socio-cultural space: historical experience and perspective of development: Abstracts. All-Russ. scientific. Conf., Sept. 28–29. 2010]*. Rostov-on-Don, Publ. SSC RAS, 2010, pp. 87–89. (In Russian)
 23. Kislitsyn S. A. [On the myth of “genocide of the Cossacks” in the historiography of the Don Cossacks]. *Kazachestvo v sotsiokul'turnom prostranstve Rossii: istoricheskii opyt i perspektivy razvitiia: Tez. Vseross. nauch. konf., 28–29 sent. 2010 g. [Cossacks in the Russian socio-cultural space: historical experience and perspective of development: Abstracts. All-Russ. scientific. Conf., Sept. 28–29. 2010]*. Rostov-on-Don, Publ. SSC RAS, 2010, pp. 93–96. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 4 июня 2015 г.

Контактная информация

Кудряков Илья Олегович — аспирант; ilia.kudryakov@mail.ru

Kudryakov Ilia O. — post graduate student; ilia.kudryakov@mail.ru